

Глава 97. Плохой ученик приручил темного, влажного мужчину-призрака (12)

На следующее утро Лин Янь с трудом поднялся, едва разлепив отяжелевшие веки.

Прошлой ночью А-шу без умолку тараторил у его уха, снова и снова втолковывая, как следует прислуживать князю, — целую кучу всяких правил, и от этой болтовни у Лин Яня голова шла кругом, а глаза слипались.

Для такого любителя поспать, как он, вставать на рассвете было сущей пыткой.

«Динь-линь —»

Из внутренних покоев внезапно донесся звонкий звук колокольчика — знак того, что хозяин проснулся.

Лин Янь толкнул дверь, вошел и, поклонившись, приблизился к кровати, почтительно произнес, как велит церемониал:

— Господин.

Взгляд Сяхоу Яня скользнул по нему, по грубой одежде слуги, и наконец задержался на его коротких, неуместных здесь волосах. Он бросил два равнодушных слова:

— Обуй меня.

— Слушаюсь.

Лин Янь медленно натянул сапоги на ноги хозяина и мысленно пожаловался Лин Сяоци:

□Ну и проклятое старое общество.□

□Вот именно, вот именно.□ — тут же поддакнул Лин Сяоци.

□В следующий раз я заставлю Мо Яня прислуживать мне. С чего это я всегда должен прислуживать ему?□

Лин Сяоци, щелкая семечки, тихо рассмеялся:

□Ну, братец, сначала ты прислуживаешь шурина, а когда он потеряет от тебя голову — тогда он сам будет бегать за тобой и прислуживать тебе с радостью.□

□...□

Лин Янь на мгновение замер и с тенью надежды спросил:

□А нельзя, чтобы он с самого начала и до конца прислуживал мне?□

□Вряд ли это возможно.□

Когда одежда была застегнута, Сяхоу Янь мельком взглянул на него — взгляд был глубоким, нечитаемым.

Лин Янь помог князю умыться, а затем увидел, как тот взял меч и вышел во двор. Сверкнуло лезвие, замелькали тени — он начал тренировку. Лин Янь стоял в стороне и невольно следил взглядом за его гибкой, сильной фигурой.

М-м, ноги длинные.

Талия тонкая.

Плечи широкие.

Выглядит... очень сильным.

От этого зрелища на него вдруг навалилась непреодолимая сонливость. Ночью он почти не спал, а утром встал слишком рано, и его ноги сами собой поднесли его к старому дереву гинкго, на которое он прислонился спиной.

Это дерево было точь-в-точь как то, что он видел во сне.

Прислонившись спиной к шершавому стволу, под утренним прохладным ветерком и пестрыми солнечными бликами, Лин Янь постепенно начал проваливаться в сон.

Неизвестно, сколько времени прошло, но он смутно почувствовал, что звон меча стих, и вокруг остался лишь тихий ветер да легкий шум падающих листьев гинкго.

А затем над головой раздался низкий голос:

— Ты что делаешь?

Лин Янь мгновенно открыл глаза и встретился взглядом с черными глазами Сяхоу Яня, смотревшего на него сверху вниз. Он инстинктивно облизнул пересохшие губы и честно ответил:

— Ужасно хотелось спать, я нечаянно задремал.

«...»

Сяхоу Янь молча вглядывался в него, не понять было, верит он этому или нет. Он только холодно бросил:

— Вытри пот.

Только тогда Лин Янь заметил, что лоб Сяхоу Яня покрыт мелкими каплями пота — видимо, от тренировки с мечом. Он достал из рукава платок и мысленно выругался:

Вчера этот болтун А-шу целый вечер трещал, но про такое ни слова не сказал.

По его словам выходило, что после меча сразу завтрак.

Он взял платок и принялся вытирать пот Сяхоу Яня: сначала — острый подбородок, затем — слегка влажные щеки, и наконец — гладкий, безволосый лоб.

Вот только этот человек был слишком высок — почти девять чи (около 2 метров), и Лин Яню приходилось вставать на цыпочки, чтобы дотянуться до его макушки.

Семнадцать лет.

А вымахал — будто на дрожжах. Или это древняя еда такая питательная?

Откуда такой рост?

Пока он размышлял об этом, Сяхоу Янь опустил взгляд и стал смотреть на человека, вытиравшего ему лоб.

Взгляд его сам собой приковался к приоткрытым губам — они чуть припухли и, казалось, слабо шевелились в такт дыханию, и теплое, едва уловимое дуновение касалось его шеи.

Стало как-то жарко.

И щекотно.

В груди поднялось беспричинное раздражение.

Он нахмурился и приказал:

— Не дыши.

«...»

Рука Лин Яня застыла, он поднял лицо.

Карие глаза в лучах утреннего солнца переливались влажным блеском, он улыбнулся самой безобидной, самой невинной улыбкой и тихо произнес:

— Господин, если я не буду дышать, я умру.

На губах Сяхоу Яня мелькнула холодная усмешка, в его взгляде не было ни капли тепла, и он равнодушно ответил:

— Кому какое дело до твоей жизни?

«...»

Ладно.

Вы правы, господин.

По многолетней привычке Лин Янь снова машинально выдал самую вежливую, самую учтивую улыбку.

Но Сяхоу Янь, мельком взглянув на него, небрежно поправил слегка помявшуюся одежду и ровным, не терпящим возражений тоном приказал:

— И так не улыбайся.

«...?»

— Я не люблю.

Против этой проклятой системы старого мира Лин Янь мог только слегка склонить голову и тихо ответить:

— Слушаюсь.

Не буду улыбаться.

Вытерев пот, Сяхоу Янь направился в главную залу завтракать. Лин Янь молча последовал за ним. Едва они вошли, как увидели А-шу, который суетился, раздавая указания.

— Господин пришел! Живо подавайте кашу, что на плите греется!

— Этот скатерть как постелили? Безобразие! Перестелить!

«...»

Лин Янь стоял в стороне.

А-шу, закончив распоряжаться, подошел к нему, оглядел его с ног до головы — тот молчал, и он отвел взгляд.

Но не прошло и минуты, как он снова повернул голову и уставился на Лин Яня.

Лин Янь по-прежнему молчал.

Наконец А-шу не выдержал и, понизив голос, спросил:

— Ну, как первый день? Господин, наверное, легкий в обращении? Он с детства вырос в армии, так что церемоний много не требует.

«...»

Лин Янь, припомнив всё, что случилось утром, неопределенно ответил:

— Сносно.

— Сносно? — А-шу явно был не согласен и принялся тараторить: — Господин очень простой. Вот если бы ты видел других господ — там же сплошная морока: и сапоги подавай, и пот вытирай, и в одежду облачай — уйма правил.

Лин Янь:

— ...

Погоди-ка, это ведь всё то, что он делал сегодня утром?

Он хотел было спросить, но тут раздался ленивый голос сидящего за столом юноши:

— Лин Янь.

— Слушаю.

— Подай мне еду.

— Слушаюсь.

Лин Янь шагнул вперед и окинул взглядом стол, уставленный всевозможными кашами, булочками и закусками.

И тут он спросил себя —

неужели за такой простой, обычной едой тоже надо прислуживать?

Уголок губ Лин Яня едва заметно дернулся, он покосился на стоявшего рядом А-шу и приподнял бровь — в этом взгляде было всё: «И это, по-твоему, легкий в обращении?»

А-шу прикрыл рот кулаком, кашлянул, скрывая смущение, и молча опустил голову, уклоняясь от испытующего взгляда Лин Яня. Но в душе у него поднялась буря.

Странно.

Раньше князь никогда не требовал, чтобы ему прислуживали во время еды — они, слуги, были такими свободными, что просто неприлично...

<http://bllate.org/book/18456/1950648>